

УДК 94(470.6.62/67) «1990/2015»

ПРИЧИНЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ ВЫСОКОГОРНОГО ДАГЕСТАНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ С. БЕЖТА ЦУНТИНСКОГО РАЙОНА)

Халилова А.С.

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра
Российской академии наук, Махачкала, e-mail: kadja.ol@mail.ru*

В статье рассматриваются причины и предпосылки, приводящие к трудовым миграциям из Дагестана, в частности селения Бежта Цунтинского района, на остальную территорию РФ. Основной целью работы является исследование исторических обстоятельств, приводящих к оттоку из села, направлений этого перемещения, а также видов трудовой миграции. Отдельно рассматриваются вопросы ремиграции жителей села. Для решения поставленных задач привлечены данные переписей 2002 и 2010 годов, отражающие степень расселения бежтинцев в регионе, а также полевые материалы, собранные автором в период выездов 2014 года. В этом же ключе прослеживаются тенденции в изменении этнокультурного ландшафта как внутри республики, так и за ее пределами.

Ключевые слова: Бежта, Дагестан, трудовая миграция, социальные мотивы, причины, постсоветский период

THE CAUSES AND MAIN DIRECTIONS OF MIGRATION OF THE HIGH AND DAGESTAN POST-SOVIET PERIOD (FOR EXAMPLE AS BEZHTA, THE TSUNTINSKY AREAS)

Khalilova A.S.

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, e-mail: kadja.ol@mail.ru*

In the article discusses the causes and preconditions leading to labor migration from Dagestan in particular village Bezhta, Tsuntin district, on the territory of the Russian Federation. The main aim of the work is to study the historical causes of the outflow from the village, the directions of movement migrants and species to labor migration. Separately have been researched the issues the reintegration villagers. To solve the problems used the data of censuses 2002 and 2010, which reflect changes in the resettlement of Bezhta people in the region, as well as field data collected by the author during visits in 2014. In this vein have been traced tendency in change the ethnocultural landscapes both within and outside the Republic.

Keywords: Bezhta, Dagestan, labor migration, the social motives, reasons, the post-Soviet period

Интерес, проявляемый научным сообществом к вопросам, связанным с трудовой миграцией выходцев из национальных регионов в другие субъекты РФ, во многом связан с попытками осмыслить социальные процессы, протекающие в российском обществе в современный период, анализ которых невозможен без четкого понимания причин и последствий данных миграционных процессов, протекающих на территории России, определения степени их влияния на социально-культурный уклад старожильческого населения, выявления точек столкновения интересов старожилов и новоприбывших. В целом миграционные процессы позиционируются учеными как одни из самых болезненных в современном обществе, они определяются как главные причины и факторы социальных изменений как в принимающих, так и в отправляющих обществах [16]. Специфика трудовой миграции в отличие от всех остальных видов состоит во временном переселении

в другие, зачастую отдаленные населенные пункты, для работы за материальное вознаграждение с обязательным возвращением на место постоянного проживания [3, с. 6.]

Изучение трудовой миграции на примере Республики Дагестан в полной мере позволяет осветить все перечисленные аспекты этой проблемы. Во многом это связано с тем, что временные (сезонные) трудовые миграции (ранее называвшиеся отходничеством) для населения высокогорного Дагестана – явление с многовековой историей. Однако если в прошлом столетии это было одним из способов удержать бедное население региона от окончательного обнищания, то сегодня отходники зачастую являются представителями состоятельной части жителей высокогорных сел. Трудовая миграция позволяет повысить свой социальный статус, а самое главное, получить материальный достаток, многократно превышающий доход, который за подобные услуги можно получить в родном селе.

Пожалуй, именно этот факт в настоящий период можно назвать определяющим для сезонного мигранта при выборе им направления для выезда.

Говоря о направлениях трудовой миграции жителей высокогорных сел, в нашем случае с. Бежта Цунтинского района, отметим, что к началу постсоветского периода как таковое сложилось лишь одно из них – выезд на равнину Дагестана для ведения отгонного животноводства. Для этих целей в пользование бежтинцев еще в 50-е годы XX века были переданы кутаны на территории Бабаюртовского и Кизлярского районов, ныне села Качалай, Караозек, Вперед, Рыбалко и др. Довольно долгое время выезд на плоскость происходил только по крайней необходимости. Свое отношение к этому народ выразил даже в фольклорной форме, когда в ответ на приглашение поехать на кутан для работы, а еще больше для постоянного проживания в ответ можно было услышать: «Чем на кутан, лучше в тюрьму» или «Чем на кутан пойти, лучше в Карс (т.е. на войну) пойду я». Во многом это было связано с тяжелыми условиями пребывания на равнине, постоянно вспыхивавшими эпидемиями малярии, заболоченностью выделенных земель и прочими трудностями. Подобная картина переезда достаточно четко описана в научной литературе: «Людей направляли по разнарядке, никто не хотел ехать. Потому что малярия, плохая вода – пить невозможно. Заставляли. Трудовые книжки, паспорта – ничего не выдавалось, пока ты не переехал. В разные учреждения посылали с гор на 2–3 месяца, обязателька. Аттестаты в школе не выдавались, пока там не отработаешь. И постепенно, постепенно оседать начал народ, все время приезжать-уезжать не получается» [2].

Из-за нежелания выезжать для работы в отгонном хозяйстве довольно часто действия жителей села пытались подвести под Указ Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» [11], за несоблюдение которого могли осудить на срок до 2-х лет лишения свободы. Не меньшее отторжение у жителей высокогорья вызывал запрет на строительство в кутанах капитального жилья. Таким образом, горцы, приезжавшие на работы в отгонное хозяйство, долгое время были вынуждены ютиться в хибарках. Но из-за отсутствия альтернативы бежтинцы все же были вынуждены выезжать для работы на равнину.

Лишь с образованием в 1980-х годах в основном кутане с. Бежта – Качалае сель-

ской администрации положение в отгонном хозяйстве стало улучшаться. Несмотря на запрет, горцы стали строить капитальные жилые дома, и для многих из них переезд на работу постепенно превратился в переселение на постоянное место жительства. За 20 с лишним лет постсоветского периода положение в кутанах и отношение к переезду на равнину коренным образом изменилось. В настоящее время в бежтинских кутанах насчитывается уже около 350–400 хозяйств, жители которых считают их своим постоянным местом жительства. Тут нужно подчеркнуть, что, несмотря на это, большинство из переселившихся по-прежнему имеют дома и в родовом селе. Хотя по утверждениям сельчан, все они находятся либо в состоянии разрухи, либо переданы в пользование дальним родственникам, оставшимся в Бежте [7]. Отметим, что такое проявление дагестанских мигрантов, как транслокальность, довольно хорошо представлено в работах Е.Л. Капустиной [4], в полной мере присуще трудовым мигрантам из высокогорного Бежта. Именно эта деятельность в рамках социальных сетей «поддерживающаяся через потоки тех людей, которые мигрируют и переселяются на новое место, и тех, кто возвращается на родину, визиты родственников и друзей в обе стороны, браки между мигрировавшими и живущими на родине» [17, р. 670] и т.д. позволяют укрепляться чувству транслокальности в каждом трудовом мигранте из высокогорных сел.

В целом, как отмечают исследователи, в «начале XXI в. миграционные процессы существенно изменили этнический состав населения равнинных районов и городов Дагестана; именно они определили высокую этнокультурную мозаичность населения всех равнинных сел и особенно городов края» [1]. Последние также стали центром притяжения трудовых мигрантов из высокогорных районов.

Таким образом, другим направлением миграции из Бежта в исследуемый период стало перемещение в столицу Республики Дагестан – г. Махачкалу. На первоначальном этапе в 1970–1980-е годы в основном это были выезды для получения образования, которое в советский период приравнивалось к труду. Причем выезжавших было весьма незначительное количество. Объяснялось это как традиционным укладом бежтинцев, не приветствовавших выезды за пределы села, так и трудностями, связанными с самим процессом обучения (невысокий основной образовательный уровень, большой конкурс среди абитуриентов, отсутствие жилья, финансовые сложности и т.д.). Лишь небольшое число наиболее

прогрессивных родителей направляло детей на обучение в вузы Махачкалы.

Но к началу 90-х годов XX века ситуация в корне изменилась. Связано это было с переменами в жизни страны, вызвавшими переоценку значимости образования. В связи с коренной ломкой прежней системы, разрушением колхозных хозяйств, а соответственно и потерей финансовой самостоятельности многими сельчанами, возникла острая потребность в поисках других способов заработка. Причем выяснилось, что дети, в 70-х получившие высшее образование, остались востребованными в качестве специалистов на разнообразных бюджетных должностях, продолжавших функционировать в селе. В то время как те, кто окончил лишь среднюю школу, по сути, остались не у дел.

Такое положение привело к резкому увеличению числа поступающих в вузы, колледжи и училища республики. И уже к началу 2000-х практически 100% абитуриентов из Бежта обучались не только в городах республики, но и за ее пределами. Вот тут важно подчеркнуть и то, что каждый из поступавших в принципе являлся трудовым мигрантом. Направляя детей для обучения в вузы, родители основной целью считали не столько получение образования, сколько последующее устройство на работу в городе, который предлагал более широкий выбор вакансий по сравнению с селом. В худшем случае в этот период стал рассматриваться выезд для обучения в центральные и северокавказские (преимущественно русские) регионы России с последующим закреплением там на рабочем месте. Примечательно, что именно эту – первую волну абитуриентов – трудовых мигрантов в настоящее время в принимающих регионах считают фактически своими, признавая их высокий адаптационный уровень [12, с. 829; 13, с. 125].

Участники этого направления трудовой миграции, как и в предыдущем случае, с течением времени стали рассматривать Махачкалу не только как место, где можно подзаработать и улучшить финансовое положение семьи, но и как место для переезда на постоянное жительство. На первых порах родители абитуриентов, сталкиваясь с высокой по сельским меркам стоимостью съемного жилья в городе и фактическим отсутствием родственников (у кого можно было бы приютить студента) постепенно стали приобретать жилье для этих целей. «Ну, у нас трое детей девочки вот одна на третьем курсе, другая на втором, и в следующем году сыну тоже надо поступать. Вот и купили им квартиру однокомнат-

ную, пусть лучше там все вместе, друг за другом присмотрят, и нам есть где остановиться, когда приедем» [8]. Впоследствии приобретение земельных участков для строительства индивидуального жилья на окраинах Махачкалы (в связи с престижностью этих районов у горожан и, соответственно, более низкой ценой участков) становится одной из основных задач для старшего поколения бежтинцев, желающих создать для детей лучшие условия для жизни и, самое главное, предоставить им возможности для труда. Причем родители рассматривают это приобретение и как возможное место для проживания после выхода на пенсию. Однако по достижению пенсионного возраста глубокая транслокальность бежтинцев может проявляться еще с большей силой, т.е. происходит кочевание семьи из одного дома в другой, например, в связи с погодными условиями: в летнюю жару семья отправляется в более прохладный сельский климат, а суровые и снежные сельские зимы переживает в доме на равнине. Примечательно, что зачастую молодые люди, отучившись в вузах республики, не находят для себя подходящего рабочего места, и это побуждает их, оставив свою семью в новопостроенном доме, искать удачи еще дальше от родины.

Такие решения привели к формированию еще одного направления трудовой миграции дагестанцев из высокогорных сел – выезда за пределы республики. Примечательно, что у жителей селения Бежта движение в этом направлении стало наиболее активным лишь после середины 90-х годов XX века, а также то, что в качестве нового места выбираются в основном крупные мегаполисы, такие как Москва, Санкт-Петербург, гораздо реже – Сочи, Краснодар, Ростов-на-Дону, еще реже города Германии и Польши. Широкой популярностью жителей этого села также пользуется промышленный центр Севера России – Новый Уренгой. По мнению выезжающих, основания для такого поступка всегда экономического характера – желание за короткий срок заработать приличную сумму денег. Причем в качестве целей для расходов чаще всего озвучиваются социально значимые необходимости: сыграть свадьбу, построить дом, сделать ремонт, приобрести автомобиль или обновить мебель, и лишь немногие признают его, несмотря на все трудности, единственным и наиболее выгодным способом содержать семью. Как уже отмечалось, транслокальность жителей Бежта в последнем случае понуждает их к приобретению жилья и перевозу своей

семьи в новое место работы. Стоит отметить, что такое поведение молодежи не одобряется старшим поколением: «Когда старики запрещали раньше уезжать надолго из села – это было хорошо. Дети (выехавшие за пределы республики – авт.) занимают позицию европейцев. И там я не вижу будущего для внуков. Если дети потеряли связи с обычаями предков, то внуки и вообще уйдут из родни...» [9]. В то же время они осознают необходимость сезонных трудовых поездок.

Особенностью этого вида трудовой миграции жителей с. Бежта является их очень высокое возвратное направление. Бежтинцы, работающие за пределами республики и достигающие достаточно высокого положения в обществе, к 60–70 годам все же стремятся вернуться на родину. В частности, отметим, что если по данным ученых возвратная миграция титульных дагестанских народов в республику в постсоветский период «в прежнее место проживания» составляла до 60% прибывших из 100 [5], то для бежтинцев этот показатель поднимается до 95–97%. Так, сами горцы, находящиеся в трудовом выезде из села, замечают: «Дерево держат корни, если разрушим дома в селе, не будем ходить на свадьбы и похороны, пропадем... нашего народа не станет» [10]. Такова логика самоидентификации жителей селения Бежта. Возможно, именно по этой причине, несмотря на выезд значительной части жителей села на сезонные и прочие работы в другие районы Республики Дагестан, регионы России и зарубежные страны, у них присутствует столь высокий процент возвратной миграции. И в этом случае наиболее верным видится взгляд Р. Парка на эту проблему, выделявшего в качестве основной причины возвратной миграции «эффективное сообщество и сильную внутреннюю солидарность мигрантских групп» [6]. В качестве подтверждения здесь уместно привести данные переписей 2002 и 2010 года, показывающие, что, несмотря на миграции, численность жителей села увеличилась с 3131 [14] до 3502 [15] человек соответственно. А в настоящий момент по данным сельской администрации она достигает до 5000 человек

Подводя итог, отметим, что изучение причин и последствий трудовых миграций жителей одного из населенных пунктов высокогорного Дагестана, конечно, не может в полной мере осветить всю картину происходящего и отразить все особенности миграций в этой части республики. Но в то же время он отражает основные тенденции миграционных процессов, свойственные жителям высокогорного Дагестана постсо-

ветского периода. Что, соответственно, дает уникальный результат для исследования этих процессов в Дагестане в целом, а также может помочь руководству РД, работникам министерств и ведомств сформировать планы по преодолению негативных последствий исследованных явлений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-01-00440.

Список литературы

1. Ибрагимов М.-Р.А. Этнокультурные последствия миграционных процессов в Дагестане вторая половина XX – начало XXI в. [электронный ресурс] // Кумыкский мир: культура, история, современность. – URL: <http://kumukia.ru/etnokulturnye-posledstviya-migracziionnyix-proცessov.html> (дата обращения 10.03.2015).
2. Казенин К.И. Перспективы и риски многонациональных районов равнинного Дагестана [электронный ресурс] // И.А. Регнум. – URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1453867.html> (дата обращения 14.03.2015).
3. Капустина Е.Л. Трудовая миграция из сельского Дагестана как хозяйственная практика и социокультурное явление: дис. ... канд. истор. наук. – СПб., 2013. – С. 6.
4. Капустина Е.Л. Выходцы из Дагестана в Западной Сибири: к вопросу о формировании транслокальных сообществ // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – С. 96–114.
5. Мудуев Ш.С. Особенности миграционных процессов в Дагестане // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе // Тезисы международной научной конференции. – Ставрополь: СГУ, 2003. – С. 176.
6. Парк Р. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 3. – С. 13–18.
7. Полевой материал автора (ПМА) – 2014. с. Бежта, Цунтинского района РД, А.С. муж. 63 г.
8. ПМА – 2014. с. Бежта, Цунтинского района РД. М.Ш. жен. 51 г.
9. ПМА – 2014. г. Махачкала, А.П. жен. 57 л.
10. ПМА – 2014. г. Махачкала. А.С. муж. 60 л.
11. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 [электронный ресурс] // Юристу.com: Справочно-правовая система. – URL: http://uristu.com/library/sssr/usr_5681/ (дата обращения 12.10.2014).
12. Халилова А.С., Халидова О.Б., Гебеков Г.Ф. Дагестанцы – жители Краснодарского края: к вопросу об изменениях в процессе интеграции народов юга России в 1980–2010 годы // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 829.
13. Халилова А.С. Социально-бытовое взаимодействие дагестанцев со славянским населением Ростовской области в 1980–2010 годах: состояние, проблемы и перспективы // Российский Кавказ – 2014. Материалы международного политологического форума. 14–21 сентября 2014 г. Махачкала в 3 т. Т.2. – Махачкала: Лотос, 2014. – С. 125.
14. Численность и размещение населения [электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения – 2002. Т. 1. – URL <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13> (дата обращения 10.03.2015).
15. Численность и размещение населения [электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения – 2010. – Т. 1. – URL http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 10.03.2015).

16. Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. – М., 2004. – С. 5.

17. Boyd M. Family and personal networks in international migration: recent developments and new agendas // *International Migration Review*. – 1989. – Vol. 23, № 3. – P. 638–670. P. 670.

References

1. Ibragimov M.-R.A. Jetnokulturnye posledstviya migracionnyh processov v Dagestane vtoraja polovina XX nachalo XXI v. Ethno-cultural implications of migration processes in Dagestan the second half of XX the beginning of XXI. [electronic resource] // *Kumyk world: culture, history, modernity*/ available at: URL: <http://kumukia.ru/etnokulturnye-posledstviya-migracziionnyix-processov.html>.

2. Kazenin K.I. Perspektivy i riski mnogonacionalnyh rajonov ravninnogo Dagestana Prospects and risks of multinational areas of flat Dagestan [electronic resource] // *IA Regnum* / available at: URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1453867.html>.

3. Kapustina E.L. Trudovaja migracija iz selskogo Dagestana kak hozjajstvennaja praktika i sociokulturnoe javlenie Labour migration from rural Dagestan as an economic practice and sociocultural phenomenon. Diss. Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg. 2013 pp. 6.

4. Kapustina E.L. Vyhodcy iz Dagestana v Zapadnoj Sibiri: k voprosu o formirovanii translokalnyh soobshhestv The natives of Dagestan in Western Siberia: the question of the formation of translocal communities // *Ethno-cultural landscapes in the post-Soviet space: problems and peculiarities of Dagestan component (for the 90th anniversary IHAЕ DSC RAS)*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2014. pp. 96–114.

5. Muduev Sh.S. Osobennosti migracionnyh processov v Dagestane Features of migratory processes in Dagestan // «Problems of migration and the experience of its regulation in the multiethnic Caucasus region.» Abstracts of the international scientific conference. Stavropol: SSU, 2003 pp. 176.

6. Park R. Organizacija soobshhestva i romanticheskij karakter Community organization and romantic character// *Sociological Review*. 2002. Vol. 2. no. 3. pp. 13–18.

7. Polevoj material avtora (PMA)-2014. Expedition material author (EMA)-2014. Bezhta village, Tsuntinsky district of Dagestan, A.S. a man, 63 years old.

8. PMA-2014. (EMA)-2014. Bezhta village, Tsuntinsky district of Dagestan, M.Sh. a woman, 51 years old.

9. PMA-2014. (EMA)-2014. Mahachkala city. Dagestan, A.P. a woman, 57 years old.

10. PMA-2014. (EMA)-2014. Mahachkala city. Dagestan, A.S. a man, 60 years old.

11. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 4 maja 1961 Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of May 4, 1961 [electronic resource] // *Yuristu.com: Legal Reference system*/ available at: URL: http://uristu.com/library/sssr/usr_5681.

12. Halilova A.S., Halidova O.B., Gebekov G.F. Dagestancy zhiteli Krasnodarskogo kraja: k voprosu ob izmenenijah v processe integracii narodov juga Rossii v 1980–2010 gody Dagestanians residents of Krasnodar territory: the issue of changes in the integration of the peoples of the south of Russia in 1980-2010 years // *Modern problems of science and education*. 2013.no. 6. pp. 829.

13. Halilova A.S. Socialno-bytovoe vzaimodejstvie dagestancev so slavjanskim naseleniem Rostovskoj oblasti v 1980–2010 godah: sostojanie, problemy i perspektivy Social and everyday interaction of the dagestanians with the Slavic population of the Rostov region in 1980-2010: the state, problems and prospects // *Russian Caucasus 2014. Proceedings of the International Political Science Forum*. 14–21 September 2014 in Makhachkala. Vol.2. Makhachkala: Lotus, 2014. pp. 125.

14. Chislennost i razmeshhenie naselenija The number and distribution of the population [electronic resource] // *National Population Census-2002. Vol.1.* / available at: URL <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13>.

15. Chislennost i razmeshhenie naselenija The number and distribution of the population [electronic resource] // *National Population Census-2010. Vol.1.* / available at: URL http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

16. Judina T.N. Sociologija migracii: k formirovaniju novogo nauchnogo napravlenija. Sociology of migration: the formation of a new scientific field. M., 2004. pp. 5.

17. Boyd M. Family and personal networks in international migration: recent developments and new agendas // *International Migration Review*, 1989, Vol. 23, no. 3. pp. 638–670.

Рецензенты:

Шахбанова М.М., д.соц.н., профессор, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала;

Искендеров Г.А., д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала.